

Назначение народа

1982

Стенограмма доклада, прочитанного на конференции по социологии и истории искусства в Лозанне 4-5 февраля 1982 года.

Чтобы несколько прояснить дискуссию по поводу «народа» или «народного» достаточно подумать, что «народ» или «народное» (народное искусство, народная религия, народная медицина и так далее) служит, прежде всего, ставкой в борьбе между интеллектуалами. Факт быть или чувствовать себя вправе говорить о «народе» или для «народа» может составлять сам по себе силу в борьбе внутри различных полей: политического, религиозного, искусства и так далее, — силу тем более значительную, чем слабее относительная автономия рассматриваемого поля. Эта сила максимальна в поле политики, где можно играть на всех двусмысленностях слова «народ» («народные классы», пролетариат, нация, Volk), и минимальна в поле литературы или искусства, добившихся высокой степени автономии, когда произведение, пользующееся успехом у народа, вызывает некоторое обесценивание и даже дисквалификацию его создателя (например, известны усилия, которые должен был предпринять Золя, чтобы реабилитировать «народное» и перевернуть господствовавший в поле образ). Поле религии помещается между этими двумя полюсами, но не лишено полностью противоречия между внутренними требованиями, направленными на поиск редкого, отличительного, разделительного — например, религии очищенной и одухотворённой, и внешними требованиями, часто описываемыми как «коммерческие», подталкивающими предлагать непосвящённой пастве, наиболее обделённой в культурном смысле, ритуализованную религию, с сильной магической коннотацией (как, например, большие «народные» паломничества в Лурд, Лизье и тому подобное).

Второе положение: выработка позиции в отношении «народа» или «народного» зависит по форме и содержанию от специфических интересов, связанных, прежде всего, с принадлежностью к полю культурного производства, и следует из занимаемой позиции в этом поле. Оставляя в стороне всё, что их противопоставляет, специалисты приходят к согласию, по меньшей мере, затем, чтобы завоевать монополию легитимной компетенции, которая их собственно определяет, а также, чтобы напомнить о границе, отделяющей профессионалов от профанов. Профессионал склонен «ненавидеть» «вульгарных профанов», отрицающих его как профессионала тем, что обходятся без его услуг. Он скор на разоблачение любых форм «стихийности» (политической, религиозной, Философской, художественной), способной лишить его монополии легитимного производства благ или услуг. Держатели легитимной компетенции готовы мобилизоваться для борьбы со всем, что может способствовать народному «самопотреблению» (магия, «народная медицина», самолечение и так далее). Так, лица духовного звания всегда предрасположены осуждать как магию и ритуальные суеверия и подвергать «очищению» те религиозные обычаи,

которые, по мнению религиозных виртуозов, не демонстрируют «бескорыстия» или, как порой говорят, — «дистанцированности», ассоциирующей с создаваемым ими представлением о допустимой практике.

Если негативный смысл «народного», то есть «вульгарного» определяется, прежде всего, совокупностью культурных благ или услуг, представляющих собой препятствия для навязывания легитимности, с помощью которой профессионалы стремятся создать (или завоевать) рынок, создавая потребности в их собственных продуктах, то позитивный смысл «народного» (например, «наивная» живопись или музыка «folk») является результатом перемены знака. Последняя производится некоторыми духовными лицами, особенно доминируемыми в поле специалистов (и вышедшими из доминируемых областей социального пространства), в заботе о своём восстановлении в правах, неразрывно связанной с заботой о своём облагораживании. Например, в 1930-е годы «популистская школа» Луи Лемонье, Андре Терив или Эжена Даби (все имели очень низкое социальное происхождение и плохое школьное образование) определила себя по противоположности аристократическому и светскому психологическому роману (и по противоположности «натурализму», который она обвиняла в излишествах) так же, как «пролетарская школа» Анри Пулай затем определяло себя по противоположности популизму, который она обвиняла в мелкобуржуазности. Большая часть речей, произносимых или произносившихся в пользу «народа», это речи тех, кто занимает доминируемые позиции в поле производства. Как хорошо показал Реми Понтон [1] по доводу «романистов-регионалов», «народ», идеализированный в большей или меньшей степени, служит часто укрытием от провала или исключения. Можно также наблюдать, как отношение, которое поддерживают с «народом» создатели, сами вышедшие из него, имеет тенденцию изменяться в течение их жизни, в соответствии с флуктуациями их символического капитала внутри поля (это можно было бы проследить на ярком примере Леона Кладеля).

Различные представления о народе предстают, таким образом, как трансформированные (в зависимости от цензуры и норм, принимающих вид, свойственный каждому полю) выражения основополагающего отношения к народу, которое зависит от позиции, занимаемой в поле специалистов, и — шире — в социальном поле, также как от траектории, приведшей к этой позиции. Писатели, выходцы из доминируемых областей социального пространства, могут играть на своей предполагаемой близости к народу, но их шансы на успех будут тем слабее, чем сильнее автономия рассматриваемого поля: например, Мишле, который старался конвертировать своё родовое пятно в эмблему, с гордостью требуя вознаграждения за происхождение и пользуясь «своим» «народом» и своим «чувством народа», чтобы заставить признать себя в интеллектуальном поле. Как признанный интеллектуал (в отличие, к примеру, от популистов или большинства «романистов-регионалов», отсылаемых к своему региону или к своей стране «по ошибке»), он может гордо выпячивать своё бедняцкое происхождение, зная, что этим только увеличивает выгоды, извлекаемые из своих заслуг и редкости своего случая (что обязывает его оправдываться перед своими тетками, которым не нравится такое обесценивание их семьи). И, значит, его прославление народа выражает не столько «народ», сколько опыт двойного разрыва: с «народом» (он испытывает его очень рано, как показал это Виаланекс) и с интеллектуальным миром.

Очевидно, что самым рентабельным является использование «народа» и «народного» в политическом поле. История борьбы в рядах прогрессистских партий или рабочих профсоюзов свидетельствует о символической действительности увриеризма. Эта стратегия позволяет тем, кто может претендовать на некую близость с доминируемыми, выступать в роли обладателей определённого рода преимущественного права (*préemption*) на «покупку» «народа» и, тем самым, настаивать на своей исключительной миссии, но в то же время устанавливая как всеобщую норму те способы мышления и выражения которые были им навязаны условиями «покупки», мало благоприятными для интеллектуальной утонченности. Но интеллектуальная утонченность — это ещё и то, что позволяет им брать на себя или претендовать на всё, что отделяет их от конкурентов, одновременно маскируя — прежде всего для самих себя — разрыв с «народом», являющийся условием доступа к роли его официального выразителя (глашатая).

Как и во многих других случаях, здесь отношение к происхождению переживается слишком глубоко и драматично, чтобы можно было считать такую стратегию результатом циничного расчёта. В самом деле, основа различных способов самоопределения в отношении «народа», идёт ли речь о популистском увриеризме или о народном настрое «революционера-консерватора» и всех «народных правых», заключается ещё (и всегда) в логике борьбы внутри поля специалистов, то есть в данном случае, в той особой форме антиинтеллектуализма, который внушает порой интеллектуалам в первом поколении неприязнь к артистическому стилю жизни (Прудон, Парето и многие другие разоблачают «порнократию») и к интеллектуальной игре, идеализировавшейся издавна. Такая неприязнь может доходить до реваншистской ненависти разного рода ждановских питомцев Яна Гуса (*Hussonnet*), когда эта ненависть питается озлоблением, вызванным несостоятельностью интеллектуальных замыслов или неуспехом интеграции в доминирующую интеллектуальную группу (здесь можно привести ещё пример Селина [2]).

Понятно, что предварительный анализ объективного отношения к предмету навязывается исследователю в особо императивной форме, если тот хочет уйти от альтернативы «этноцентризм класса — популизм», которая существует и в форме инверсии. Вдохновлённый заботой о восстановлении в правах, популизм, который может также принимать форму релятивизма, имеет своим следствием маскировку последствий доминирования: стремясь показать, что «народу» не в чём завидовать «буржуазии» в плане культуры или поиска различий, он забывает, что косметические или эстетические изыски являются изначально дисквалифицированными как излишние, неуместные или несущественные в игре, правила которой в каждый момент времени определяют доминирующие («орёл — я выиграл»; «решка — ты проиграл»), одним своим существованием соразмеряя изыски с правилом сдержанности, простоты и с нормой утонченности.

Мне возразят, что можно выйти из этой игры в зеркала с помощью прямого опроса и попросить сам «народ» рассудить каким-либо способом борьбу интеллектуалов по его поводу. Но является ли действительно «народным» всё то, что люди обычно обозначают как «народ?» А всё то, что произнесено «настоящим» «народом», является ли «настоящей» «народной» правдой? Рискуя дать фарисеям «народного дела», осуждающим иконоборческое покушение на картинки народной жизни, ещё одну возможность

подтвердить их доброжелательность, я скажу, что нет ничего более неверного. Это ясно видно, когда крестьяне, в которых «революционно-консервативная» традиция всегда хотела видеть воплощение аутентичного, честнейшим образом лепят затасканные речевые штампы в редакции начальной школы или Вульгаты «деревенщиков», палео- или неоэкологистов. Штампы были переданы и внушены крестьянам трудом многих поколений культурных посредников: учителей, кюре, воспитателей и так далее, восходят, если рассматривать их генеалогию, к той очень специфической категории авторов, которые неотвязно следуют из года в год по учебникам начальной школы, к «романистам-деревенщикам» и второстепенным поэтам, часто обращающимся к прославлению «народа» и «народных» доблестей в силу своей неспособности (часто объясняющейся их «народным» или мелкобуржуазным происхождением) добиться успеха в ведущих жанрах. То же самое и в отношении партийной школы, которая Марксу и Золя обязана большим, чем Жану Экару, Эрнесту Перрошо, Жану Ришепену или Франсуа Копе. Чтобы понять эту речь, которую популистская запись (признанная, благодаря победе литературы и моде на истории жизни) фиксирует по существу последней, нужно пересмотреть всю систему отношений, чьим продуктом эта речь является, весь ансамбль социальных условий производства речей о «народе», в особенности доминируемые области литературного и политического полей. И мы окажемся, таким образом, в исходной точке, во всяком случае, очень далеко от «народа», того, что представляет себе популистское воображение.

Одним словом, «народная культура» — это пузырьёк чернил... Даже категории, используемые для её осмысления, вопросы к ней, неадекватны. Чем говорить о «народной культуре» в целом, я бы, скорее, взял пример того, что называют «народным языком». Те, кто восстают против эффектов доминирования, осуществляемого через использование легитимного языка, приходят часто к определённого рода инверсии отношения символической силы и думают, что хорошо делают, когда признают как таковой доминируемый язык, например, его наиболее автономную форму — жаргон. Это превращение «за» в «против», которое наблюдается также в области культуры, когда говорят о «народной культуре», является ещё одним эффектом доминирования. Парадоксально на самом деле определять доминируемый язык по отношению к доминирующему, который сам определяется только через отсылку к доминируемому языку. Действительно, не существует другого определения легитимного языка, кроме того, что он является отказом от языка доминируемого, с которым устанавливает такие же отношения, как отношения культуры к природе (неслучайно говорят о «сыром» или «зелёном» языке). Так называемый «народный язык» есть наречия, которые, с точки зрения доминирующего языка, кажутся природными, дикими, варварскими, вульгарными. И те, кто, беспокоясь о восстановлении в правах, говорит о народном языке или народной культуре, являются жертвами логики, направленной на то, чтобы стигматизированные группы принимали свои стигматы за знаки своей идентичности.

Жаргон, как изысканная, на взгляд ряда доминирующих, форма «вульгарного» языка есть продукт поиска отличия, но поиска доминируемого и обречённого в силу этого производить парадоксальные эффекты, которые невозможно понять, если их замкнуть на альтернативе сопротивление-подчинение, доминирующей в обычной рефлексии над «народным языком». Когда доминируемый поиск отличия направляет доминируемых укреплять то, что их отличает, то есть того самого из-за чего они являются доминируемыми и считаются

«вульгарными», стоит ли говорить о сопротивлении? Иначе говоря, если у меня нет другого ресурса для сопротивления, кроме присвоения того, из-за чего я являюсь доминируемым, разве это сопротивление? Второй вопрос: когда, наоборот, доминируемые стараются избавиться от того, что указывает на их «вульгарность» и присвоить себе то, в отношении чего они показывают себя вульгарными (например, парижский акцент во Франции), разве это подчинение? Это противоречие кажется мне неразрешимым, поскольку люди, говорящие о «народной культуре», не хотят признавать этого противоречия, вписанного в саму логику символического доминирования. Сопротивление может лишать независимости, а подчинение может приносить освобождение. Таков парадокс доминируемых, выхода из которого нет. В действительности, всё ещё сложнее, но я считаю, что этого достаточно для внесения небольшой смуты в простые категории, особенно в оппозицию сопротивление-подчинение, через которые обычно осмысливаются эти вопросы. Сопротивление относится ко всем областям, кроме области культуры в строгом смысле слова, в которой оно никогда не было делом самых обездоленных. Это нам и демонстрируют все формы «контркультуры», всегда предполагающие (я могу это показать) наличие некоего культурного капитала. Сопротивление принимает самые неожиданные формы до такой степени, чтобы оставаться более или менее незаметным на просвещённый взгляд.

Примечания

1 См. перевод его статьи «Рождение психологического романа». // Вопросы социологии, 1993, № 1-2.

2 Селин, Луи-Фердинанд (Celine (Destouches), Louis-Ferdinand) — французский писатель (1894–1961), известный романист, чьи наиболее известные произведения созданы в период между двумя мировыми войнами. Его литературный стиль отличался свободой от языковых условностей того времени, присутствием в нём народных выражений, жаргона. Селин начал свою писательскую карьеру после того, как уже попробовал себя на военном поприще и в роли врача. Большую часть жизни совмещал писательскую деятельность с врачебной практикой. В своих произведениях он адресуется не к интеллекту или разуму, но исключительно к чувственной сфере читателя.

Версия #2

Зверобой создал 18 января 2026 04:14:46

Зверобой обновил 18 января 2026 04:16:12